

Вячеслав

Лютый

«НЕ ЗДЕСЬ Я СГОРЮ ДО КОНЦА...»

Художественные черты поэзии Валерия Михайлова

Стихи Валерия Михайлова кажутся читателю странными. Поэт, говорящий о знакомом и близком, отчего-то не сливается с его душой полностью, хотя радость и печаль, приметы времени и пространства, близкие почти каждому, должны бы соединять говорящего и слушающего в одно внутренне согласное существо. Этого не происходит, и читатель видит образную фигуру поэта рядом с собой, может коснуться ее рукой, прислониться плечом, но никогда – всем абрисом собственного духовного тела. И здесь – важнейшая особенность поэзии Валерия Михайлова и ее загадка.

Есть хорошая формула, характеризующая человека и его поступки: как у него поставлена душа. В стихах Михайлова мы видим одинокую душу, которая заперта в экзистенциальном коконе своего существования. Во многом такое понимание его строк совпадает с нашим восприятием художественных признаний М.Ю. Лермонтова, в первую очередь – «Молитвы». Не случайно из-под пера Михайлова вышла книга, посвященная духовной биографии русского гения. У него есть поразительно точное по переживанию стихотворение о зимнем кусте барбариса, семечки которого «стучат, как в бубен, в мертвую кожуру»:

Им хочется на землю пасть,
Или взойти, или пропасть,
Но все ж пробить немую шкуру.

По существу, вся лирика Михайлова – о душе, причем здесь она выступает не в качестве инстанции, к которой уже привык обращаться наш современник, повествуя о вещах житейских и предметах вполне земных. Можно сказать, что душа в этих художественных координатах является главным героем поэтического сюжета. Между тем, автор пишет о родном доме, в котором уже не найти дыхания прошлых лет, о городе, стоящем на костях заключенных, и пустоте прорытых угольных шахт, о природных приметах – листьях, жучках-«солдатиках», закате и рассвете, о любимой и сердечных коллизиях, мучительных, иссушающих сердце, о течении времени, которое напоминает сознанию о скоротечности жизни...

Душа, время и память – вот три ориентира поэтического пространства Валерия Михайлова. И еще – «другое зрение», которое позволяет автору видеть глубинный смысл происходящих событий – частных и больших, мимолетных и центральных. Почти всегда за приметам реальности у него возникает мир понятий и духа, огромный и не сопоставимый по глубине и значению с земными пределами. А душа помнит о своей внутренней свободе первых лет детской жизни, кажется, еще привязанной к радости и невинности Рая.

Помнишь душу свою дословесную,
Неземную еще, поднебесную,
Как она ощущеньем жила,
Слово чуяла и не лгала...

И, словно продолжая эту способность непосредственно воспринимать мир и радоваться ему спустя годы, поэт пишет о себе, бредущем по «нежной пыли» проселка, принимая это теплое прикосновение земли, как «величайшую ласку». Он отворачивается от «смысла жизни, которого нет» и сливается с нею самой, не знающей слов и движущейся легко и словно бы произвольно. Но такие минуты случаются редко. Однако они всегда окрашены горячим сердечным чувством, которое обнимает уже всю родную благословенную землю, высвечивая страдающую душу автора как истинно русскую: «И уже совсем не понимаешь, // Как с такой любовью дальше жить?»; «Светом ты своим насквозь пронзила, // Искупив у темноты меня».

По Михайлову, «правда бессловесна», и душа, которая тянется к своему истинному состоянию, чувствует это. В природе черное и белое не подменяют друг друга, простота положений и очевидность предметов обладают бытийной четкостью, тут нет места «воле и уму». Такое наблюдение как будто находится в противоречии с преданием, по которому Адам назначал правильные имена окружающему миру, и тот существовал дальше уже в соответствии с именем-смыслом каждого предмета и существа. На самом деле, у поэта речь идет совсем не о первичном, Божественном содержании земного окоема, но о последующих дополнениях и уточнениях эгоистичного человеческого ума, который старательно заболтал все слова и не поленился стереть в порошок кристальные смыслы, поддерживающие стройность нашего сознания.

Веет ветер с небесных полей,
Не жaley ни о чем, не жaley.
Слышишь сирую песню его?
Нету здесь ничего твоего.

Валерий Михайлов – поэт поразительной интуитивной остроты зрения. Его метафизические догадки напрямую связаны с бессмертием человека, с растворенностью его в общем грандиозном потоке бытия. Между тем, некое маленькое зернышко, которое хранит в себе человеческое «Я», не ускользает от внимания автора. Скоротечность пребывания на земле и непомерный океан жизни, омывающий наше присутствие в земной юдоли, противостоят друг другу в его поэзии. Эти два образа пугающе не равновесны, однако внутренний космос души, плотно

сжатый и стесненный реальными обстоятельствами, потенциально огромен. Потому неосознанное человеческое противопоставление себя маленького – миру, зданию большому имеет не только неизъяснимую логику, но и соразмерность позиций, которая угадывается уже не чувством, а каким-то мерцанием давнего позабытого знания.

Стихи о детстве или эхо детских впечатлений во множестве присутствуют в творчестве Михайлова. Они не только контрастно соприкасаются с «взрослым» укладом, до предела насыщенным словами без содержания и двусмысленными вещами. Но и свидетельствуют о потаенном понимании искренности мира, которая открывается только маленькому человеку.

Как дивно пахнет детская душа!
Она, как свет любви, благоуханна...

Поэтический рисунок у Валерия Михайлова всегда отчетлив в деталях – это, скорее, отточенная графика, нежели карандашный набросок. Одновременно цвет в его стихотворениях уступает первенство линии. Подобные приметы неизбежно отражаются в интонации лирического рассказа. Поэту свойственна определенная жесткость голоса, который может быть и тихим, теплым, однако из него невозможно изъять контраст белого и черного, грубого и ласкового, искреннего и фальшивого – все те тонировки действительного и надмирного, которые терзают сердце автора. Они не отменяют чувство сострадания к людям и любви к родине, но отчетливо свидетельствуют о психологической тяжести ноши, которую приходится нести поэту – певцу и провидцу, обычному человеку и странному посланцу неба на земле.

Не здесь я сгорю до конца – а в прибежище Света,
Где пламенем горним живет и сияет округа:
Там лето Господне цветет, бесконечное лето,
И души становятся снова частицами Духа.

